

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.13>

UDC 81'42:34
LBC 81.055.513

Submitted: 14.02.2017
Accepted: 14.04.2017

LEGAL DEFINITIONS: FUNCTIONAL AND TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS

Irina V. Palashevskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article focuses on specific features of legal definitions as linguistic phenomena constructing the institutional reality, their main functions and types. Successful interaction in institutional environment is hardly possible without a system of communicative codes, shared by discourse participants. The legal language, being such a code, serves as an integrating basis for institutional interactions. An effective combination of competences requires common definitions of concepts. The article distinguishes constitutive function of legal definitions, constituting the conventional meanings of legal phenomena and situations, as well as their regulative function, which is expressed in the ability to serve as guides for carrying out, interpreting and argumentation of different actions in different types of legal communication. The article draws attention to semantic changes of commonly used vocabulary (intentional delimitation, extension and narrowing of lexical meanings), as a result of its terminologisation, and the corresponding types of definitions.

The author analyzes the types of legal definitions, based on cognitive models: definitions of classification and transformation types, as well as illustrative enumerations, frames and scripts or procedural definitions. Linguistic research of legal definitions aims to find out the logic of meaning construction strategies of reality, reflected in institutional lexicon. The analysis is based on juridical documents of the USA, the UK and the Russian Federation.

Key words: legal discourse, legal definition, institutional culture, legal communication, legal terminology, language of law.

Citation. Palashevskaya I.V. Legal Definitions: Functional and Typological Characteristics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 131-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.13>

УДК 81'42:34
ББК 81.055.513

Дата поступления статьи: 14.02.2017
Дата принятия статьи: 14.04.2017

ЮРИДИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Ирина Владимировна Палашевская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье описаны особенности юридических дефиниций как способов конструирования институциональной реальности. Для эффективного взаимодействия участники юридического дискурса нуж-

даются в системе единых коммуникативных кодов. Профессиональный язык, будучи такого рода кодом, выступает в качестве связующей основы институциональных взаимодействий. Эффективное сочетание компетенций требует общих представлений о тех или иных реалиях в институциональной среде. Автором выделены конститутивная функция юридических дефиниций как единиц, устанавливающих признаки правовых явлений и ситуаций, и регулятивная функция, которая выражена в их способности служить основой для построения и обоснования акциональных последовательностей и реализации юридически релевантных интенций в разновидностях юридического общения. Охарактеризованы семантические изменения общеупотребительной лексики (разграничение, расширение и сужение лексических значений), возникающие в результате ее юридической терминологизации, и соответствующие типы дефиниций. Рассмотрена типология дефинитивных высказываний, построенная на основе когнитивных моделей представления знаний о юридическом мире: дефиниции классификационного, трансформационного типа, дефиниции-перечни, фреймы и сценарии. Исследование дефинитивных высказываний позволило обнаружить логику построения значений, установления признаков содержательного минимума правовых явлений в институциональном словаре.

Материалом лингвистического анализа послужили тексты юридических документов России, Англии и США.

Ключевые слова: юридический дискурс, юридическая дефиниция, институциональная культура, правовая коммуникация, юридическая терминология, язык закона.

Цитирование. Палашевская И. В. Юридические дефиниции: функциональные и типологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 131–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.13>

1

Проблематика юридического дискурса сегодня интересна не только специалистам из области юриспруденции, но и широкому кругу исследователей. Будучи структурированным рядом принципов и моделей разной семиотической природы, данный тип общения активно изучается и в рамках современной лингвистики. С одной стороны, это обусловлено интегративными процессами в области гуманитарного знания, с другой – тем, что в фокусе внимания современной науки о языке находится человек, участвующий в коммуникации. С позиции теории конструирования социальной реальности [Searle, 1995] институциональная культура – мир общих представлений, которые формируются в той или иной институциональной общности в процессе тех повседневных коммуникативных практик, которые связывают индивидов внутри данной общности. Эти представления, охватывая материальные и идеальные объекты, действия, события и их участников, проявляются в институциональной символике и ритуалах, текстах и поведенческих стереотипах. Они устанавливаются посредством конститутивных правил-соглашений, имеющих всеобщий универсальный характер и строящихся по формуле: «X считать Y в контексте C» – «X counts as Y in context C» [Searle, 1995, p. 44]. В качестве такого рода

правил выступают юридические дефиниции – соглашения о значениях тех или иных явлений, определяющих внутреннее устройство институциональной жизни, и соглашения о значениях тех или иных явлений, выступающих в качестве референциального аспекта институционального дискурса.

Конститутивная функция дефинитивных высказываний в юридическом дискурсе реализуется посредством утверждения того или иного объекта, действия или ситуации, которые обозначаются термином X, в качестве совокупности признаков (a, b, c), необходимых для того, чтобы объект, действие или ситуация получили статус правового явления Y (если Y – это правовое явление, то оно должно иметь совокупность признаков a, b, c). Эти признаки имеют различный характер и представляются в различных формах. Регулятивная функция дефиниции, закрепленной институционально, состоит в необходимости руководствоваться ею при реализации юридически релевантных интенций в повторяющихся ситуациях дискурса. Как показано Г.В. Мальцевым, в качестве регулятивного высказывания юридическая дефиниция выступает аргументом совершения или несоблюдения институциональных действий, заключая в себе минимальный состав юридических фактов, необходимый для возникновения, изменения или прекращения правовых отношений, связанных

с определяемым объектом, действием или субъектом: «Ваш союз не может быть зарегистрирован, потому что он не попадает под юридическое определение брака» [Мальцев, 2007, с. 713].

2

В юридическом дискурсе реализуется логический подход при описании значений в терминах необходимых и достаточных признаков, отобранных из бесконечного многообразия признаков и семантических измерений действий, объектов, явлений и их комбинаций в жизни. Это делает юридическую дефиницию условной. В процессе терминологического явления может быть приписано значение, которое не совпадает с его функцией, известной из опыта, или с действительным положением дел. Такое свойство юридической реальности, как относительная «автономность», обуславливает семантические сдвиги в значениях общеупотребительных слов, послуживших базой для образования У-терминов. Эти семантические сдвиги приводят к тому, что слово может выражать смысл, отличный от общепринятого.

Текстовое пространство, в котором функционирует та или иная дефиниция, нередко ограничивается сферой применения одного закона или его отдельной части, оно обусловлено целями применения определенных законоположений, сопровождаемых оговорками (*for the purposes of this chapter* – для целей настоящей главы (здесь и далее перевод с английского наш. – И. П.); *unless the context requires otherwise* – если из контекста не следует иное и т. п.), которые приспособляют какое-либо значение к тому или иному объекту или объединяют разные объекты под одним термином: *bank means any person engaged in the business of banking* (IV, s. 1-201(4) art. 1).

В процессе создания дефинитивных высказываний в юридическом дискурсе происходит намеренное разграничение, расширение или сужение лексических значений общеупотребительных слов. Дефиниции, разграничивающие значения, служат для разрешения семантических трудностей классификаций. В данном случае дефиниция, не искажая значение общепри-

нятого слова, относит его к области, регулируемой законодательством. Например:

“racial group” means a group of persons defined by reference to race, colour, nationality (including citizenship) or ethnic or national origins (IX, s. 28(4)) – «расовая группа» означает группу лиц, определяемую по признаку расы, цвета кожи, национальности (включая гражданство), этнического или национального происхождения;

“provider”, in relation to an air transport service, means a person who has the management of the aircraft used to provide the service – «провайдер» в отношении воздушно-транспортных услуг означает лицо, занятое в организации деятельности аэропорта, предоставляющего данные услуги (VI, art. 72 (1) part 1, Ch. 3).

В другом случае юридическая дефиниция расширяет значение общеупотребительного слова, добавляя элемент приписанного значения:

“person” includes an individual or an organization (IV, s. 1-201(30) art. 1) – «лицо» означает физическое лицо или организацию;

“animal” includes a bird (IV, s 2-105(1) art. 2) – «животное» включает птиц; *“goods” includes the unborn young of animals* – «товары» включают ожидаемый молодняк животных в качестве приплода;

“land” includes land covered by water (VI, s. 72 (1) part 1 Ch. 3) – «земля» включает земли, занятые водными объектами (земли водного фонда);

“Property” – Anything of value, including real estate, tangible and intangible personal property, contract rights, choses-in-action and other interests in or claims to wealth, admission or transportation tickets, captured or domestic animals, food and drink, electric or other power (VIII, s. 223.0) – «Имущество» – все, что имеет ценность, включая недвижимое имущество, материальное и нематериальное личное имущество, права, вытекающие из договоров, имущество в требованиях и иные интересы или притязания по имуществу, входные или перевозочные билеты, пойманные или домашние животные, пища и питье, электрическая или иная энергия.

Сужающая значение дефиниция выполняет, соответственно, противоположную функцию:

“animals” means cattle or horses – «животные» означает крупный рогатый скот или лошадей; *“money” means currency notes* (IV, s 2-105 art. 2) – «деньги» означает банкноты;

«родственники» – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве (II, п. 37 ст. 5).

Такого рода семантические метаморфозы общеупотребительных слов, используемых в качестве юридических терминов, создают определенные трудности для «не юристов». Внешнее сходство, как заметил Ю.М. Лотман, обладает коварством слов чужого (для не специалиста) языка, однозвучных родному: другое притворяется тем же самым, создается видимость понимания там, где подлинного понимания нет [Лотман, 1998, с. 291–292]. Концептуальное несоответствие юридического термина и его эквивалента в общеупотребительном языке обнаруживается, например, при употреблении выражения *беспомощное состояние*: в юридическом дискурсе оно используется для обозначения состояний, не включающих сон. Обыватель же, определяя свое отношение к убийству спящего человека, вряд ли будет рассуждать следующим образом: «Смерть во сне считается самой легкой. Нелогично считать легкую смерть квалифицированным убийством».

При создании текста законопроектов осуществляется тщательный поиск точных выражений и определений, что обусловлено стремлением законодателей максимально полно учесть юридически значимые признаки тех или иных ситуаций. На такой поиск влияют политические факторы, несовпадение мнений и интересов представителей разных законотворческих групп, в результате чего синтаксис текстов отличается особой сложностью, а компромисс интересов выражается в «размытых» терминах, что делает возможным смысловые включения.

Создание единой понятийной базы осложняется и лингвистическими факторами, к которым можно отнести такие свойства слов естественного языка, используемых в юридическом дискурсе, как несимметричность связи между значением и знаком, приводящую к полисемии и синонимии, их оценочность, абстрактность, образность. Особую сложность в юридическом дискурсе вызывает дефинирование абстрактных единиц (*добрые побуждения, ненависть, психотравмирующая ситуация, неприличная форма* и т. п.) – «калейдоскопических концептов» [Бабушкин,

1996, с. 43–67], которые способны развертываться в виде той или иной структуры, характеризуются объемными понятийными признаками, мощной эмоциональной нагрузкой и ассоциативностью, локализуясь в самых разных культурных общностях.

Вместе с тем проблема интерпретации дефинитивных высказываний применительно к конкретному случаю приобретает особую важность, так как коммуникативная прагматика существенно влияет на процессы умозаключений при решении правовых ситуаций. Как не без иронии отмечают английские судьи, слова означают то, что в них вкладывает большинство членов апелляционного комитета палаты лордов, несмотря на то что меньшинство может думать иначе: «Words mean whatever they are said to mean by majority of the members of the Appellate Committee [of the House of Lords] dealing with the case, even though a minority may think otherwise» (Carter v Bradbeer [1975] 1 WLR 1204 at 1205, per Lord Diplock, цит. по: [Crabbe, 1994, p. 114]). Однако эффективное сочетание профессиональных компетенций требует общих определений понятий и единого понимания ключевых концептов дискурса. В силу этого унификация смысловых образований является исключительно важной в институциональной среде [Губарева, 2004; Ивакина, 2010; Кострова, 2003; Хижняк, 1997; Crabbe, 1994].

3

В лингвистике типология юридических дефиниций создается в связи с основными семиотическими направлениями изучения языковых единиц (семантики, синтактики и прагматики) и соответствующих им когнитивных моделей представления знаний [Карасик, 2002, с. 186]. Характеристики языкового содержания могут быть основаны на категориальных, парадигматических системах знаний и строиться по принципу классификации. Традиционно им противопоставлены синтагматические системы знаний, которые построены по принципу тематического дополнения и объединяют понятия из различных категорий для описания ситуаций и событий в соответствии с тем, как они встречаются в нашем опыте [Лурия, 1998]. Прагматические систе-

мы знаний строятся с учетом целей и мотивов действий, которые характеризуются с позиции результата в том или ином ситуативном контексте. Соответственно этому выделяются различные типы дефиниций как способы представления знаний о юридическом мире.

Дефиниции классификационного типа создаются на основе использования признаковых слов, обозначающих атрибуты, по которым объединяются группы слов с более конкретной семантикой. Классификаторы выступают знаками гиперо-гипонимических отношений в институциональном словаре. Такие отношения предполагают рассмотрение определяемого в ряду родственных ему предметов, из которых его выделяет признак (признаки), представляющий его видовое отличие. Например, составителями документа выбрана в качестве основы рубрикации Особенной части УК РФ на разделы и главы классификация преступлений по родовому объекту посягательства (жизнь, здоровье, собственность, общественная безопасность) [Курс уголовного права, 2002]. Исходным классификатором стала шкала ценностей, которая определяет приоритеты уголовно-правовой защиты (личность – общество – государство) и устанавливает рубрики для классификации деяний по тематическому признаку (преступления против жизни и здоровья; преступления против здоровья, преступления против свободы, чести и достоинства личности, преступления против собственности, преступления против правосудия и т. д.). Внутри этих рубрик выделяются более или менее однородные группы, единицам которых приписываются общие (родовые) и дифференцирующие (видовые) признаки. Например, в группе преступлений против собственности выделяется подгруппа деяний, характеризуемая классификатором *хищение*. Этот классификатор называется действие, формы совершения которого законодатель определил как *кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой*. Единицы, образующие ряд «хищения», обладают всеми признаками родового понятия (деяния, обозначаемые ими, посягают на один и тот же объект – собственность, совершаются умышленно и с корыстной целью), которое выступает в качестве классификатора для соотношенных с ним значений. Диффе-

ренцирующие видовые признаки являются интерпретационными. Так, признаком, отличающим кражу (I, ст. 158) от иных форм хищения, выступает признак «тайное». «Кража» толкуется как *тайное хищение имущества*, то есть как хищение, которое совершено в отсутствие потерпевшего и посторонних лиц или незаметно для потерпевшего (например, *карманная кража*).

В английском юридическом дискурсе понятие *theft* более объемно (соотносимо с русским *хищение* и включает *простую кражу, присвоение, злоупотребление доверием, ненасильственный грабеж*), определяющим для него является признак тайности, а не насильственный способ завладения имуществом. Оно служит базовой конструкцией для определения таких деяний против собственности, как *robbery, burglary* («незаконное проникновение в жилище с целью совершения правонарушения»). В соответствии с английским Законом о хищении имущества (Theft Act 1968) лицо виновно в совершении данного деяния, если оно бесчестно присваивает имущество, принадлежащее другому, с намерением навсегда лишить его этого имущества: *A person is guilty of theft if he dishonestly appropriates property belonging to another with the intention of permanently depriving the other of it* (VIII, s. 1(1)). В качестве конstitutивных признаков *theft* английский законодатель выделяет *dishonesty* «бесчестность», *appropriation* «присвоение», *property* «имущество», *belonging to another* «принадлежность имущества другому лицу» и *intention of permanently depriving the other of property* «наличие намерения навсегда лишить другое лицо имущества». Признак бесчестности выступает дифференцирующим и определяется посредством исключения случаев, им не охватываемых:

A person's appropriation of property belonging another is not to be regarded as dishonest (a) if he appropriates the property in the belief that he has in law the right to deprive the other of it, on behalf of himself or of a third person ; or (b) if he appropriates the property in the belief that he would have the other's consent if the other knew of the appropriation and the circumstances of it ; or (c) (except where the property came to him as trustee or personal representative) if he appropriates the property in the

belief that the person to whom the property belongs cannot be discovered by taking reasonable steps (VIII, s. 2 (1)) – Присвоение лицом имущества, принадлежащего другому, не должно рассматриваться как нечестное, (а) если лицо, присваивая чужое имущество, искренне убеждено, что имеет на него законное право; или (б) если лицо присваивает имущество в убеждении, что получило бы согласие другой стороны, если бы другой знал о присвоении и его обстоятельствах; или (с) (за исключением случаев попечительства или личного представительства) если лицо присваивает имущество в убеждении, что его собственник не может быть обнаружен путем принятия разумных мер.

Признаком, отличающим *robbery* ‘ограбление’ от *theft* ‘хищение имущества’, выступает насильственный способ совершения, то есть применение силы или угроза ее применения:

A person is guilty of robbery if he steals, and immediately before or at the time of doing so, and in order to do so, he uses force on any person or puts or seeks to put any person in fear of being then and there subjected to force (VIII, s. 8(1)) – Лицо виновно в ограблении, если оно совершает хищение имущества и непосредственно перед этим или во время этого с указанной целью применяет силу к какому-либо лицу, или запугивает, или пытается запугать лицо тем, что к нему будет немедленно применена сила.

Таким образом, *robbery* рассматривается как хищение имущества, сопряженное с применением насилия или внушением страха.

В Примерном Уголовном кодексе США (Model Penal Code 1962) *theft* ‘хищение имущества’ толкуется как посягательство на собственность, объединяющее самостоятельные посягательства, известные ранее под наименованиями: *larceny* ‘хищение имущества’; *embezzlement* ‘присвоение или растрата имущества’, ‘незаконное использование чужого имущества, находящегося в фактическом распоряжении виновного’; *false pretense* ‘хищение путем обмана, заведомое завладение чужим имуществом путем искажения фактов’; *extortion* ‘вымогательство’; *blackmail* ‘шантаж’, ‘угроза разглашения информации частного характера или обвинения лица в совершении преступления в целях вымогательства денежных средств или принуждения к совершению определенных действий’; *fraudulent conversion* ‘обманное обращение

вверенного имущества в свою пользу’; *receiving stolen property* ‘приобретение и скупка похищенного имущества’ и др. (VII, s. 223 (1)). Общий признак данной группы хищений – ненасильственный способ совершения. Насильственные имущественные преступления выделяются американским законодателем в самостоятельные группы.

В рассмотренных случаях дефиниция, раскрывая основные признаки преступного деяния, одновременно определяет его состав, представляя знания в виде свернутых сюжетных структур – моделей юридической интерпретации и нарративной экспликации референтных событий судебного дискурса [Палашевская, 2012, с. 234–248]. Дефиниции-фреймы, или сценарии, используются не только в качестве интерпретативных моделей, но и в качестве инструктивных. Следует заметить, что особое значение в теории конструирования социальной реальности придается постулату о первичности социальных действий над социальными объектами и субъектами. То, что выступает в качестве социальных объектов или субъектов, рассматривается как набор словесных обозначений определенных образцов социального взаимодействия («суд», «полиция», «собственность»). С данных позиций значимым представляется не объект, а функция, которой его наделяют и которая проявляется в процессе деятельности. Сам же объект выступает лишь в качестве возможности деятельности: «The object is just the continuous possibility of the activity» [Searle, 1995, p. 36].

Наличие субъекта, наделенного определенной функцией, аналогично рассматривается как возможность совершения связываемых с ней действий как им самим, так и по отношению к нему других субъектов. Например, возможность производства процессуальных действий, обеспечивающих реализацию функции уголовного преследования, связывается с лицом, имеющим статус прокурора, следователя, дознавателя в отношении лиц, имеющих статус подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. С данной точки зрения институциональная реальность становится полем действия и интерпретации действий других. Потому особую роль играют формы представления знаний в виде событийных структур, «проектов институциональных дей-

ствий», указывающих на ситуации, субъектов действий, способы действий. Определяемая как «сделка», «допрос», «освидетельствование», «предъявление обвинения», «судебное заседание» и т. п., ситуация наполняет содержанием отношения коммуникантов, детерминируя их статусные позиции и соответствующие коммуникативные возможности, обуславливая выбор жанровой формы общения и тех юридически релевантных интенций, которые благодаря этой форме могут быть реализованы. Процессуальные кодексы содержат такого рода сюжетные модели, скрипты речевых поступков и событий, предусмотренных судебной процедурой. Эти структуры могут быть свернутыми: *Дознание – форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно* (II, п. 8 ст. 5). Данная дефиниция содержит указание на субъектов деятельности (следователь, дознаватель) и ситуации, когда эта деятельность необходима (в случае, когда производство предварительного следствия необязательно). При конкретизации действия раскладывается на конституирующие его единицы. Так, в уголовно-процессуальном кодексе РФ детально регламентируется структура и содержание жанра «заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения» (II, ч. 5 ст. 318). Аналогично этому регламентируется жанр «искковое заявление» в гражданском процессуальном кодексе РФ (III, ст. 131, 132). Содержание жалобы на действия, бездействия агентов юридического дискурса, независимо от типа, формируют *репрезентативный, аскриптивный, аргументативный* и *апеллятивный* элементы, соответствующие коммуникативным интенциям подателя жалобы, который: а) сообщает адресату о фактах нарушения своих прав; б) приписывает ответственность за эти нарушения определенному лицу; в) аргументирует наличие нарушений этим лицом; суть жалобы составляют: требование признания адресатом жалобы факта нарушения; требование подтверждения необходимости соблюдения агентом юридического дискурса своей правовой обязанности; в ряде случаев требование справедливого удовлетворения.

Юридические дефиниции могут строиться на основе простого перечисления объектов, субъектов или действий, составляющих объем дефинируемого понятия, образовывать однородные или неоднородные, открытые или закрытые перечни и следовать за определением родового понятия или предварять его:

“Deadly weapon” means any loaded weapon from which a shot, readily capable of producing death or other serious physical injury, may be discharged, or a switchblade knife, gravity knife, pilum ballistic knife, metal knuckle knife, dagger, billy, blackjack, plastic knuckles or metal knuckles (V, part 1, title A, art. 10) – «Смертоносное оружие» означает любое заряженное оружие, из которого может быть произведен выстрел, способный причинить смерть или тяжкий телесный вред, а также нож с автоматически выходящим лезвием, нож с гравитационным лезвием, кинжал, баллистический нож, дубинка, блэжджек [полоска кожи с петлей для запястья и вшитой металлической пластиной], пластиковый или металлический кастет.

Среди всего многообразия юридических дефиниций особый интерес вызывают единицы, построенные по принципу трансформации. Они могут быть представлены:

– перифразами:

непричастность – неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления (II, п. 20 ст. 5), *deadly physical force means physical force which, under the circumstances in which it is used, is readily capable of causing death* – смертельная физическая сила означает физическую силу, способную тотчас причинить смерть (V, part 1, title A, art. 10); *участники уголовного производства – лица, принимающие участие в уголовном процессе* (III, п. 58 ст. 5);

– синонимичной заменой:

“Good faith” in the case of a merchant means honesty in fact and the observance of reasonable commercial standards of fair dealing in the trade (IV, s. 2-103 (b)) – «Добросовестность» применительно к коммерсанту означает фактическую честность и соблюдение разумных коммерческих критериев в поведении или сделке;

– иноязычными эквивалентами:

алиби – нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте (II, п. 1 ст. 5).

К трансформам относятся приблизительные смысловые соответствия (*the Reasonable*

Man – the Prudent Man; the Man of Ordinary Prudence; the Man of Common Prudence; the Man of Ordinary Intelligence and Prudence; the Ordinarily Reasonable, Careful, and Prudent Man; the Typical Prudent; the Ideal Average and the Right-Minded Man), стилистические дублеты (*место заключения – тюрьма, содержание под стражей – пребывание в следственном изоляторе*). Суть такого рода определений заключается в использовании взаимобратимых элементов. Среди перифразов встречаются условные единицы типа *reasonable man* и *man on the Clapham omnibus* или *man in the street*. «Человек из клэпхемского автобуса» (омнибуса) (*Clapham* – район на юго-западе Лондона, считавшийся некогда местом «для простых людей») представляет собой устаревшее условное обозначение разумного, здравомыслящего человека, принятое в британских судах в первой половине двадцатого века. Определение «разумного человека» как «человека из автобуса» («обычного человека») не взаимобратимо, так как не всякий «человек из автобуса» является разумным. Следует заметить, что представление о разумности составляет тот вид институционального знания, относительно которого существует интуитивное понимание, достаточное для решения практических задач, но недостаточное для словесного определения. В подобных случаях в качестве альтернативы логическому подходу к толкованию значения используется «экземплярный подход» [Величковский, 2006, с. 37–38]. В соответствии с этим подходом семантические признаки абстрактных прототипов (*разумное, добросовестное, подозрительное лицо*) определяются через их типичных представителей. Экземплярный подход к раскрытию смысла явлений позволяет сохранить их индивидуальные характеристики и специфическую ситуативную вариативность, которые исчезают в процессе формирования абстрактного прототипа. Экземплярная интерпретация ориентирована на выявление максимальной информации, которая может гибко использоваться в процессе определения общих критериев поведения разумного человека, степени должной осмотрительности. Вместе с тем в силу подвижности стандарта разумности интерпретационное поле значения того или

инного проявления разумности выражает субъективное отношение говорящего к тем или иным ситуациям. Это отчетливо прослеживается при попытке создания типичного «портрета разумного человека» на основе множества решений по уголовным и гражданским делам, в которых английские судьи определяли, что он должен знать и делать в рассматриваемой ими жизненной ситуации. Английский юрист Р.Т. Остин составил такой типичный портрет-интерпретацию из множества судебных определений поведения «разумного человека»:

Various judges have assured us that the Reasonable Man knows, among other things, the laws of gravity, that fire burns, «and that water drowns». In addition, he knows «the amount of space he occupies», «his ability to lift and carry heavy objects», elementary rules of personal hygiene, that alcohol makes you drunk, and how to keep his balance. He recognizes that some of his unreasonable friends jaywalk on a regular basis, and he drives so as to avoid them <...>

He recognizes that children seldom heed advice; often do silly things <...> that they do the unexpected may do the understandable and the unpredictable. He never parks his car on the freeway to scrape his windshield. He does not feed his dog lead or eat moldy food. No one has ever seen him break the law without good reason or throw his television set out the window... Nor has anyone ever found him guilty of giving a gun to a child or loaning his car to a minor that cannot drive. If you are lucky enough to see him personally, don't expect to catch him selling guns to drunk men or leaving drunks in police cars with the keys. The Reasonable Man does not sit idly by as a passenger in a vehicle while the driver runs into speeding trains, nor does he stay in a car that is parked on the highway in the lane of oncoming traffic. <...> When golfing, he «never drives his ball until those in front of him have definitely vacated the putting-green which is his own objective [Austin, 1992].

Разные судьи убедили нас, что Разумный человек знает, помимо всего прочего, законы гравитации, что в огне можно сгореть, а в воде утонуть. Вдобавок ко всему он имеет представление о том, сколько места занимает его тело, может ли он поднимать и переносить тяжести, ему известны элементарные правила личной гигиены, воздействие на организм алкоголя. Понимая, что некоторые из его неразумных друзей могут пересекать проезжую часть в неположенном месте, он управляет транспортным средством так, чтобы избежать наезда на них <...>

Он понимает, что дети редко внимают советам, часто делают глупые вещи, <...> что они могут вести себя неожиданно, необъяснимо и непредсказуемо. Он никогда не останавливает свой автомобиль на скоростной автостраде, чтобы очистить лобовое стекло. Не кормит свою собаку несвежей пищей. Никто не видел, чтобы он нарушал закон без веской на то причины или выбрасывал телевизор из окна... Он никогда не был признан виновным в том, что давал ребенку оружие, а подростку, не умеющему водить, свою машину. Если вам повезет встретиться с ним лично, не надейтесь застать его за продажей оружия лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, или оставляющим таковых в полицейской машине с ключами в замке зажигания. Разумный человек не будет сидеть сложа руки в машине, в то время как водитель ведет ее прямо в пронсящийся перед ним поезд, и не останется в машине, припаркованной на встречной полосе трассы. <...> Играя в гольф, он никогда не ударит по мячу, прежде чем предыдущие игроки успеют освободить лунку, которая является его целью и т. д.

Накопление ситуативных признаков разумного поведения приводит к формированию более определенного представления о понятии разумности. Постепенно выявляется набор стандартных качеств во взаимосвязи с вопросами факта и права в сходных делах, в отвлечении от субъективных характеристик подсудимого (восприятие ситуации, темперамент, черты характера, семейное положение, физические дефекты и т. п.).

4

Институциональный опыт, таким образом, может осмысливаться как в направлении от ситуативного контекста к его теоретическому обобщению, так и в обратном направлении, когда категориальные системы знаний описываются в непосредственном взаимодействии с системами ситуативно-тематической организации, именно в их контексте получая свое содержательное наполнение. Совместное использование различных стратегий представления признаков тех или иных явлений институционального мира в институциональном словаре способствует их более полному пониманию. С одной стороны, определяются дефиниции классификационного типа, устанавливающие формальные взаимосвязи между яв-

лениями (род – вид, часть – целое), с другой стороны, – дефиниции экземплярного типа, учитывающие ситуативный контекст использования знания. Если в первом случае фиксируется перечень юридически релевантных признаков того или иного явления и его отношение к другим явлениям в картине институционального мира, то во втором случае отбор релевантных признаков явлений ограничивается ситуативным контекстом. Вместе с тем прагматическая направленность институциональной деятельности обуславливает использование форм представления знаний в виде событийных дефинитивных структур, задающих сюжеты деятельности, которые проигрываются в институциональных диалогах, в отношениях конкретных субъектов.

При создании дефиниций одновременное стремление к языковой компрессии, языковой экономии, однозначности выражаемого смысла и в то же время полному охвату юридически релевантных признаков явлений приводит к неизбежной условности терминологических единиц, создающих «автономную реальность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
- Величковский, Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания : в 2 т. / Б. М. Величковский. – М. : Академия, 2006. – Т. 2. – 448 с.
- Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : Норма, 2004. – 160 с.
- Ивакина, Н. Н. Профессиональная речь юриста / Н. Н. Ивакина. – М. : Норма, 2010. – 440 с.
- Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
- Кострова, М. Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ / М. Б. Кострова // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 80–88.
- Курс уголовного права. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – 624 с.
- Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1998. – 704 с.
- Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : МГУ, 1998. – 336 с.

Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.

Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность / И. В. Палашевская. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 346 с.

Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк. – Саратов : Изд-во СГУ, 1997. – 136 с.

Austin, R. T. Better Off with the Reasonable Man Dead or The Reasonable Man Did the Darndest Things / R. T. Austin // *BYUL Rev.* 479, 1992. – Electronic text data. – Mode of access: <http://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol1992/iss2/14>. – Title from screen.

Crabbe, V. C. R. A. C. Legislative Drafting / V. C. R. A. C. Crabbe. – London : Cavendish Publ. Limited, 1994. – 236 p.

Searle, J. R. The Construction of Social Reality / J. R. Searle. – N. Y. : The Free Press, 1995. – 241 p.

ИСТОЧНИКИ

I – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. – Загл. с экрана.

II – Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. – Загл. с экрана.

III – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.03.2016). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570. – Загл. с экрана.

IV – Anderson, R. A. Uniform Commercial Code / R. A. Anderson, I. Fox, D. D. Twomey // *Business Law. Principles, Cases, Legal Environment* / R. A. Anderson, I. Fox, D. D. Twomey. – Cincinnati, OH : South-Western Publishing Co., 1987. – P. 1171–1273.

V – Consolidated Laws of New York's Penal Code. – Electronic text data. – Mode of access: www.ypdcrime.com/penal.law. – Title from screen.

VI – Civil Aviation Act 2012. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/19/pdfs/ukpga_20120019_en.pdf – Title from screen.

VII – Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Complete Text of Model Penal Code as Adopted at the 1962 Annual Meeting of The American Law Institute at Washington, D.C., May 24, 1962. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf/>. – Title from screen.

VIII – UK Theft Act 1968. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/pdfs/ukpga_19680060_en.pdf. – Title from screen.

IX – Law Commission: Sentencing law in England and Wales. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.lawcom.gov.uk/wp-content/uploads/2015/10/Sentencing_law_in_England_and_Wales_Issues_Pt1-General-provisions-and-general-principles.pdf. – Title from screen.

REFERENCES

Babushkin A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of Concepts in the Lexical and Phraseological Semantics of the Language]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1996. 104 p.

Velichkovskiy V.M. *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya: v 2 t. T. 2* [Cognitive Science: Foundations of the Psychology of Cognition. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 448 p.

Gubaeva T.V. *Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professionalnoy yuridicheskoy deyatel'nosti* [Language and Law. The Art of Speaking in Professional Legal Practice]. Moscow, Norma Publ., 2004. 160 p.

Ivakina N.N. *Professionalnaya rech yurista* [Professional Speech of a Lawyer]. Moscow, Norma Publ., 2010. 440 p.

Karasik V.I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of Social Status]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p.

Kostrova M.B. Definirovaniye ponyatiy i terminov, ispolzuemykh v UK RF [Defining Concepts and Terms Used in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2003, no. 12, pp. 80-88.

Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M., eds. *Kurs ugolovnogo prava. T. 1: Uchenie o prestuplenii* [Course of Criminal Law. Vol. 1: The Doctrine about a Crime]. Moscow, "Zertsalo-M" Publ., 2002. 624 p.

Lotman Yu.M. *Ob iskusstve* [On the Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ., 1998. 704 p.

Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow, MGU Publ., 1998. 336 p.

Maltsev G.V. *Sotsialnye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p.

Palashevskaya I.V. *Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost* [Judicial Discourse: Functions, Structure, and Narrative]. Volgograd, Paradigma Publ., 2012. 346 p.

Khizhnyak S.P. *Yuridicheskaya terminologiya: formirovaniye i sostav* [Legal Terminology: Formation

and Content]. Saratov, Saratov State University Publ., 1997. 136 p.

Austin R.T. Better off with the Reasonable Man Dead or The Reasonable Man Did the Darndest Things. *BYUL Rev.* 1992, no. 479. URL: <http://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol1992/iss2/14>.

Crabbe V.C.R.A.C. *Legislative Drafting*. London, Cavendish Publ. Limited, 1994. 236 p.

Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. New York, The Free Press, 1995. 241 p.

ot 02.03.2016) [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 no. 138-FL (amend. of March 2, 2016)]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570.

Anderson R.A. Uniform Commercial Code. Anderson R.A., Fox I., Twomey D.D., eds. *Business Law. Principles, Cases, Legal Environment*. Cincinnati, OH, South-Western Publishing Co., 1987, pp. 1171-1273.

Consolidated Laws of New York's Penal Code. URL: www.ypdcrime.com/penal.law/.

Civil Aviation Act 2012. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/19/pdfs/ukpga_20120019_en.pdf.

Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Complete Text of Model Penal Code as Adopted at the 1962 Annual Meeting of the American Law Institute at Washington, D.C., May 24, 1962. URL: <http://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf>.

UK Theft Act 1968. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/pdfs/ukpga_19680060_en.pdf.

Law Commission: Sentencing law in England and Wales. URL: http://www.lawcom.gov.uk/wp-content/uploads/2015/10/Sentencing_law_in_England_and_Wales_Issues_Pt1-General-provisions-and-general-principles.pdf.

SOURCES

Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: (red. ot 06.07.2016) [The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FL of June 13, 1996 (amend. of July 6, 2016)]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Ugolovno-protsessualnyy kodeks RF ot 18.12.2001 № 174-FZ: (red. ot 06.07.2016) [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 no. 174-FL: (amend. of July 6, 2016)]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.

Grazhdanskiy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ: (red.

Information about the Author

Irina V. Palashevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Foreign-Language Communication, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, irina_777@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Палашевская, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иноязычной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, irina_777@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2719-8147>